

Л. А. МИКЕШИНА

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

С целью изучения и развития эпистемологии социально-гуманитарного знания рассматривается частная, но принципиально значимая эпистемологическая проблема – возможность мысленного эксперимента (МЭ) в науке истории. Показаны методология и значение МЭ в естествознании, в частности, в истории физической науки, а также в эпистемологии гуманитарного знания на примере трудов В.Ф. Одоевского. Особое внимание уделено классическим формам МЭ в современной исторической науке, на примере «Метаистории» Х. Уайта и исследований средневековых феноменов «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич) и возникновения представлений о чистилище (Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич).

Ключевые слова: *эпистемология, мысленный эксперимент, физическая наука, историческая наука, ценностные ориентации, Средневековье*

В современной интеллектуальной истории особое значение придается созданию новых методов и переосмыслению исторически сложившихся приемов и принципов эпистемологии истории как науки. Одно из перспективных направлений – переосмысление форм и видов такого метода, как эксперимент, – базового для множества существующих наук. Очевидно, что в прямом смысле эмпирический эксперимент, по видимому, неприемлем в исторической науке, но возникает проблема – возможен ли *мысленный эксперимент* в историческом познании, если он успешно применяется в естественных и в социально-гуманитарных науках. В его возможности убеждают положительные примеры такого подхода и его обоснования. Обобщая опыт интеллектуальной истории, З.А. Чеканцева делает эпистемологически важные выводы: текст – это не статичная структура, а «пульсирующее пространство постоянно возникающей интерпретации, которая актуальна только в момент чтения. <...> Свидетельство приобретает смысл и значение только в столкновении с ментальностью более позднего времени, в котором живет и работает историк... Историк не может элиминировать свою субъективность, и только он способен через свой личный опыт обеспечить связь-диалог культур ушедшего прошлого и настоящего в воображаемом мире исторического времени-пространства». И далее: «не так давно мысль о том, что эксперимент в истории невозможен считалась тривиальной. Сегодня экспериментальная история – важное направление современной французской историографии. Американские историки вслед за романистами

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-03-00704 «Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания».

активно экспериментируют с формами репрезентации материала. (Речь идет, разумеется, об интеллектуальном эксперименте)»¹. Именно это уточнение важно для эпистемологии истории – интеллектуальный, или мысленный эксперимент, возможен и необходим в исторической науке.

Исследование этой проблемы тесно связано с особенностями субъекта познания в истории в отличие от других гуманитарных и социальных наук. Следует, в частности, учесть глубокое размышление-исследование А.М. Руткевича о природе исторического знания и об особенностях самого историка-исследователя. Трактую эксперимент в истории подобно этому методу в естествознании, автор, по сути, закрывает возможность исследования этой проблемы². Но прежде чем ответить на вопрос – возможен ли *мысленный эксперимент* в изучении истории прошлого и каковы условия его применения, необходимо отметить особенности давно применяемых экспериментов такого рода в естественных и гуманитарных областях научного познания.

Общие проблемы метода МЭ в естественных науках

Понятие мысленного эксперимента как теоретического метода давно использовалось в истории и философии науки. Так, известны размышления шотландского философа и ученого Т. Рида (1710–1796) о придуманных им людях, воспринимавших мир в рамках не эвклидовой, но сферической геометрии. В этом случае МЭ понимался как воображаемый метод, действующий по принципу «что если бы это было возможно?»³. Ученые стали осознать, что теоретическое знание не всегда можно получить только из прямого чувственного контакта с объектом, т.е. логически *вывести* из опыта, причем, как правило, с помощью индуктивно-дедуктивного обобщения. Уже в XVII в. Галилей использовал МЭ, рассматривая, например, движение предмета по наклонной плоскости «без трения», при исследовании рычага и наклонной плоскости, а также допускал возможность размышлять в контексте «воображаемой реальности». В целом он применял МЭ для конструирования предмета теоретического исследования – мысленного движения, инерциального движения, опираясь также на опыт «коперниканского мышления» о небесной механике, во многом содержащего элементы МЭ⁴.

Сегодня, особенно после настойчивого утверждения Эйнштейна, что нет прямой логической связи между теорией и реальным объектом, стали осознать – *теория строится не по отношению к эмпирическому объекту, но по отношению к его модели*. Соответственно, МЭ применяется, как особый способ рассуждения, специфический *теоретический*

¹ Чеканцева 2004. С. 360-371.

² Руткевич 2006. С. 28, прим. 4.

³ Хьюэлл 2015. Т. 15, 3. С. 238, прим. 1.

⁴ Ахутин 2012. С. 328-329.

метод, исследующий процессы в «чистом виде», конструирующий идеализированные или даже неосуществимые в реальности ситуации и состояния. Этот метод, не будучи «материальной», но только *мысленной операцией с представляемыми объектами*, позволяет идеализированный объект и процесс сделать образно-наглядными, а понятия теории как бы наполнить чувственным содержанием.

Австрийский физик и философ Э. Мах, авторитет которого был высок даже для Эйнштейна, доказал, что кроме материального физического эксперимента, который может предварительно продумываться-проигрываться в воображении, «существует еще другой, получающий широкое применение на более высокой ступени умственного развития – мысленный эксперимент или эксперимент в уме», когда можно «изменять в мыслях обстоятельства, от которых зависит исход того или другого опыта», а «умственные эксперименты этого рода приводили к величайшим переворотам в нашем мышлении и открыли самые важные пути исследования»⁵. Мах не только раскрыл содержание МЭ в физике и его роль в умственной деятельности исследователя, но и показал на многочисленных примерах неотъемлемое присутствие МЭ во всех видах и способах исследовательской деятельности в естественных науках.

Известно, что мысленные эксперименты с опорой на математику применялись, особенно на первом этапе, многими учеными, создававшими физику микромира. Выяснилось, что процессы, происходящие в микромире, относятся к явлениям, почти полностью лежащим за пределами чувственных восприятий, а поведение атомных объектов невозможно отграничить от их взаимодействия с приборами. Однако и при переходе к реальному эксперименту мысленный эксперимент продолжал применяться, о чем говорит, например, известный случай: при β -распаде «нарушался?!» закон сохранения энергии. Выход был найден физиком В. Паули, который, опираясь на математические расчеты, предположил в МЭ, что вместе с электроном возникает ещё одна незаряженная частица – «маленький нейтрон», или нейтрино, которое оставалось, как называли физики, «бумажной частицей». Как я понимаю, это был результат, полученный в мысленном эксперименте, изложенный «на бумаге». Подтверждение значимости МЭ находим и у Эйнштейна, который считал, что «дозволительно оперировать в мысли с вещами, *невозможными практически*, т.е. такими, которые противоречат нашему повседневному опыту, но не с полнейшей бессмыслицей»⁶. Известен его «классический» МЭ «вне и внутри лифта», который также показал «важность идеализированного эксперимента, созданного мышлением»⁷.

⁵ Мах 2003. С. 196.

⁶ Мошковский 1922. С. 108.

⁷ Эйнштейн 1965. С. 299–303.

Итак, история становления и развития физики элементарных частиц, квантовой механики содержит много примеров применения МЭ как значимой для науки *теоретической операции*, в пределах которой возможны даже противоречия известным законам природы.

В отечественной теории познания и методологии науки исследование МЭ осуществил в 1960-х гг. философ европейского уровня профессор Ленинградского университета В.А. Штофф. Он отличал МЭ от операции теоретически обоснованного, поэтапного продумывания реального эксперимента: МЭ – особая теоретическая операция, воображаемое, мысленное воспроизведение проблемы, в основе ее лежит идеальная модель объекта в специфической функции. Он полагал, что, МЭ, являясь формой абстрактного мышления ученого, тем не менее имеет и объективное содержание, поскольку опирается на научно обоснованное знание (факты, принципы и свойства заново открытого реального объекта) и на признанную научную теорию, требующую дальнейшего развития⁸. Штофф также показал, что МЭ, являясь необходимой теоретической формой научного мышления и способствуя разработке теории, в то же время не может рассматриваться как эмпирическая проверка и метод подтверждения/опровержения знания, у него другая – теоретическая – функция в построении и обосновании теории. Вместе с тем МЭ еще недостаточно изучен⁹, тем более в социально-гуманитарном знании, где он только начинает привлекать внимание методологов и исследователей.

Мысленный эксперимент в гуманитарном и социальном познании

В гуманитарном исследовании МЭ должен иметь не меньшее значение и частое применение в силу особенностей искусственно создаваемых в воображении или существовавших в прошлом объектов и специфической методологии этих форм научного знания. В европейской эпистемологии мысленному эксперименту в гуманитарном знании уделяют все больше внимания. Р. Николози в своем исследовании «Мысленные эксперименты в литературе. Контрафактическая аргументация в «Русских ночах» В. Одоевского»¹⁰ настаивает на значимости МЭ и обращается к художественным текстам В.Ф. Одоевского, русского писателя и деятеля культуры (эпохи и окружения А.С. Пушкина), в творчестве которого особенно ярко выражено слияние литературы и философии. (Видимо, поэтому статья в немецком сборнике написана автором на языке источника – русском). Для двух рассказов из «Русских ночей» – «Последнее самоубийство» и «Город без имени», – Николози предложил интерпретацию, основанную на их атрибуции как «контрафактических мысленных экспериментов, опровергающих теоретические

⁸ Штофф 1966. С. 208–226.

⁹ Филатов 2010; 2016.

¹⁰ Николози 2015. С. 55-66; Одоевский 1981. Т. I.

аксиомы». Он напоминает, что уже ранее русский исследователь П. Сакулин (1913) исходил из того, что оба рассказа написаны «по экспериментальному методу»: «Последнее самоубийство» представляет доведение до абсурда экономических идей Т. Мальтуса; «Город без имени» показывает, какая участь ожидает последовательных «бентамитов», т.е. приверженцев философии и этики утилитаризма И. Бентама.

Какие эпистемологические предпосылки позволяют утверждать, что речь здесь идет именно о мысленных *экспериментах*? В каких отношениях друг к другу стоят философская и литературная аргументация? Какую роль играют при этом контрафактическая структура текстов и их фикциональный характер?¹¹ Ответы на эти вопросы ищут сегодня, изучая природу МЭ в широком контексте темы «эксперимент и литература», причем эксперимент рассматривается не только как инструмент проверки теории и гипотез, но и как творческая практика, в известной степени существующая независимо от теории. В этом контексте МЭ попадает в поле зрения как теории науки, так и теории литературы. Пока теоретики науки оживленно спорят о функции и эпистемологической валентности МЭ, литературоведы уже используют мысленный эксперимент как «побуждающий литературу и науку к слиянию», соединяющий в себе эмпирику и воображение. Но «трансформационные механизмы» до сих пор не исследованы в полной мере, как и вопрос, при каких структурных и эпистемологических предпосылках возможен разговор о МЭ как художественно-исследовательском методе.

На примере текстов Одоевского Николози указывает лишь на то, что эти МЭ позволяют показать «разочарование в вере в абсолютную теорию», «катастрофические последствия рационалистического упрямства», «прогрессирующий процесс... разочарования в экономической теории» Мальтуса. В «Городе без имени» представлено возвышение и падение *воображаемого государства*, основанного на принципах утилитаристской этики Бентама. Оба рассказа, написанные Одоевским, – это мысленные эксперименты, представленные как рассуждения о центральных экономических теориях XIX в. Автор «Русских ночей» Одоевский, как и исследователь Николози, объединяют эти тексты не столько общим научно-теоретическим фоном (политическая экономия), сколько типом повествования, выходящего за рамки утопического, фантастического и являющегося, прежде всего, мысленным экспериментом.

Мысленный эксперимент в исторической науке

Главной проблемой в данной статье для меня как эпистемолога является *место и роль мысленного эксперимента в исторической науке*. Эта проблема в последние полвека активно разрабатывается историками. В исторической науке, получающей информацию только от

¹¹ Николози 2015. С. 65.

различного рода свидетельств и документов, т.е. имеющей дело с *предполагаемой реальностью*, МЭ как исследовательский прием необходим. МЭ присутствовал уже в классическом труде Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), например, при объяснении истории Гомером или почему нация была названа *франками*¹² и др. По-видимому метод МЭ для историков становился неосознанной нормой, если они не могли непосредственно обратиться к документам. Еще Р. Дж. Коллингвуд, размышляя об истории как воспроизведении прошлого опыта, писал, что «историк должен воспроизводить прошлое в собственном сознании... и только в той мере, в какой ему это удастся, он получит историческое, а не просто филологическое знание»¹³. Именно такое понимание дает нам право говорить о применении МЭ в историческом знании, особенно, если речь идет о периодах, не имеющих документальных свидетельств.

Появились и труды, принципиально написанные на основе мысленного эксперимента, как, например, работа Х. Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века» (1978). Как известно, он исходит из того, что «описание истории остается риторическим и литературным», используя письмо как средство для изложения и обсуждения результатов исследования прошлого. Опираясь на «тропологическую теорию дискурса» от Вико, Р. Барта, М. Фуко, А.Ж. Греймаса и др., он понимает историю как «теоретическое объяснение вымышленного дискурса... типы образов и связи между ними, способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно»¹⁴ и подчеркивает, что дискурсивные связи «не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим», они основаны на «поэтических техниках». Само объяснение в историческом знании состоит из «комбинации логико-дедуктивных и тропологически-фигуративных компонентов» (метафоры, метонимии, синекдохи и иронии). Историк, по Уайту, по существу, префигурирует, т.е. *«предварительно, заранее мысленно рисует, представляет в своем воображении»* (курсив мой – Л.М.) события истории. Итак, мы имеем случай, когда автор, опираясь на МЭ при построении метаистории, само построение исторического знания также трактует как мысленный эксперимент особого историко-литературного воображения.

Ф. Анкерсмит, автор специального исследования концепции Уайта «История и тропология: взлет и падение метафоры» (1994), признает, что тропологическая «идея абсолютно верна и плодотворна», это новая парадигма в исторической теории, когда имеют дело с историческим

¹² Вико 1994. С. 255, 287, 343, 422.

¹³ Коллингвуд 1980. С. 269.

¹⁴ Уайт 2002. С. 8.

текстом в целом, однако «нельзя ждать от теории истории Уайта решения эпистемологического вопроса о том, почему один текст может лучше репрезентировать прошлое, чем другой»¹⁵. В мою задачу не входило обсуждение дискуссии о правомерности и значимости концепции Уайта, как одной из крупнейших находок в метаистории. Цель другая – показать важнейшую роль МЭ, который в историческом познании имеет свою оригинальную природу и самостоятельное значение.

Одной из актуальных проблем для историков стало сегодня новое понимание эпохи Средневековья. Именно здесь МЭ в полной мере показывает свои возможности, поскольку Средневековье, особенно раннее, часто не предоставляет прямых свидетельств и документов или, например, основных понятий и категорий языка «безмолвствующего большинства». Обогастилась методология исследования, а главное – изменилось отношение к Средневековью. Возросший интерес к Средневековью проявился, в частности, в стремлении заменить МЭ реальными, материальными историческими экспериментами – осуществить современное строительство профессиональными архитекторами средневекового замка XIII в. (Франция), рыцарского бурга (Австрия) и раннесредневекового монастыря по сант-галленскому плану IX века (Германия).¹⁶ Такие эксперименты бесценны во всех смыслах, однако, воспроизводя огромный объем знаний о Средневековье, они не только предельно дороги, но и не дадут полной картины знаний и представлений о менталитете «безмолвствующего большинства». Необходимость МЭ, как и изучения его эпистемологических возможностей в исторической науке, сохраняется.

Метод МЭ сыграл значительную роль в исследованиях Жака Ле Гоффа. Принципиальный подход французского историка – найти способы изучения не «бесплотной истории идей», а «духовной жизни на уровне масс» и изучения их ментальности как нового измерения истории «в недрах исторических систем»¹⁷. Не используя понятия МЭ, он принял и по-своему реализовал идущую от М. Блока и Л. Февра идею творческой активности исследователя: если свидетельства сами по себе немые, необходимо их включение в сферу анализа, осуществляемого историком. Очевидно, что в этом случае МЭ становится одним из ведущих методов исследования коллективных представлений и образа мира, например, неграмотного большинства средневекового общества. Так, при исследовании формирования идей о *чистилище* – этого *нематериального объекта исследования* – историк выдвигает и обосновывает предположение о том, что в данном случае «ментальность, эмоции, поведение формировались в первую очередь в связи с потребностью само-

¹⁵ Анкерсмит 2009. С. 10, 11.

¹⁶ Арнаутова 2016. С. 26-37.

¹⁷ Ле Гофф 1992. С. 6.

успокоения» перед «творимыми дьяволом опасностями», неуверенностью в будущем и возможностью блаженства в загробной жизни. В этом случае историку приходится опираться не на свидетельства, а на т.н. *глоссы* – обязательные толкования, как аргументы авторитетов и традиции, которые позже проникли и в учебники университетов, но в свою очередь были результатом мысленных предположений и воображения¹⁸.

Работа Ле Гоффа «С небес на землю» – блестящая догадка, обобщение, во многом опирающееся на МЭ как выдвижение идеи возможных ценностных ориентаций и ее обоснование не только документами, но и во многом гипотезами, предположениями, догадками в условиях отсутствия реальных свидетельств. Главная его идея – это «период осознания великого подъема (приходящегося на эпоху высокого средневековья) и одновременной перестройки ценностных ориентаций как время низведения высших небесных ценностей на бrenную землю. Идея состоит в том, что... центральным оказалось именно обращение к земному миру и его ценностям». Для автора «история, о которой идет здесь речь, – история ментальная. Она оперирует понятиями идеологии и мира воображения... Эта история не всегда получает эксплицитное выражение. Она требует специального анализа источников, ибо это – *история неявного, имплицитного*»¹⁹. Это убедительный и предельно доказательный МЭ в исследованиях по истории Средневековья, который опирается не только на значительный исторический материал, но и на обоснованные предположения и вероятностные научные выводы автора, а также соответствует принципам современной эпистемологии и теории ценностей. Как мне представляется, Ле Гофф существенно продвинул понимание и успешное применение мысленного эксперимента в исторической науке.

Ценные результаты при осуществлении мысленных экспериментов получены А.Я. Гуревичем, он также размышлял о применении и обосновании используемых им методов, в т.ч. и МЭ, и неоднократно использовал это понятие, в частности, в статьях в «Одиссее», где обсуждались проблемы «ремесла историка на исходе XX века», т.е. эпистемологии исторического исследования. Так, рассуждая об «альтернативности исторического развития» и отрицая идею «всеобщего детерминизма», он поставил проблему «*интеллектуального эксперимента в истории* (курсив мой – Л.А.)»²⁰. Он продолжая обсуждать проблему в статье «Терри-

¹⁸ Там же. С. 303. Возникшие представления о чистилище и его роли в социальных отношениях средневековой Европы – пример особого мысленного эксперимента, начало ему вслед за Ле Гоффом положил и А.Я. Гуревич (Гуревич 1984. С. 328–334).

¹⁹ Ле Гофф 1991. С. 29–30.

²⁰ Гуревич. 1996. С. 10. Обращение к трудам известного историка в данной статье объясняется тем, что в его работах и до сих пор наиболее ярко представлены МЭ, а также тем, что новые поколения историков и философов-эпистемологов недостаточно знакомы с его работами.

тория историка» и отвечая на вопрос Л.М. Баткина, откуда взялся тот набор элементов или категорий, из которых историк выстроил модель далекой средневековой культуры. На протяжении ряда лет в многочисленных публикациях он отвечал на этот принципиальный вопрос, излагая, по сути, принципы МЭ в истории. Критически относясь к приемам постмодернистов, Гуревич вместе с тем видел в них новое подтверждение «необходимости повышения саморефлексии историка». Важнейший этап МЭ – выбор и осмысление источника, а «исторический источник – создание человека». А.Я. Гуревич считал необходимым подвергнуть источники, по его собственному выражению, «мысленному эксперименту», чтобы обнаружить, например, типологическое сходство франкского общества VI–VII вв. со скандинавским обществом, как оно рисуется в сагах. Кроме того, в текстах может присутствовать косвенная, не прямая информация. Опыт этого историка остается пока самым убедительным, поэтому обращаюсь к двум его примерам, или *case studies*.

Case study 1. Категории ранней средневековой культуры – язык и понятия «безмолвствующего большинства». Автор так определяет свою задачу: «внимание направлено на изучение не сформулированных явно, не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, «психического инструментария», «духовной оснастки» людей средних веков – того уровня интеллектуальной жизни общества, ...установление способов мировосприятия, присущих самым различным членам общества»²¹. При этом обязательно учитывать «культурный контекст», и вместо неопределенности ментальности вообще Гуревич предложил определенный набор категорий – время, пространство, право, труд, богатство и собственность, который дополнил позже понятиями смерть и потусторонний мир. Однако историк подчеркивает известную мысль Ле Гоффа: «феодализм – это мир жестов, а не записанного слова» и справедливо добавляет, что письменность не передает полностью основного массива человеческих представлений Средневековья. Вот в этом случае и возникает необходимость особого, преимущественно *мысленного* эксперимента, найденные Гуревичем форма, конкретные факты и события которого позволяют выйти на «культуру безмолвствующего большинства».

Каким образом можно изучать менталитет и словарно-понятийный «запас» не писавшего и не читавшего большинства? Очевидно, что по косвенным свидетельствам, восполняя и трактуя их на основании существующих не прямых текстов. Историк, как известно, изучил существующие не на традиционной латыни для священников и ученых мужей, но на родном для рядовых слушателей немецком языке тексты нескольких десятков проповедей одного из самых известных проповедников этого

²¹ Гуревич 1984. С. 9-10.

времени Бертольда Регенсбургского (ок. 1210–1272 гг.). Их прочтение, авторский комментарий позволяют осуществить научно обоснованное мысленное, вероятностное воссоздание словарно-понятийного запаса слушателей проповедей в церквях и на площадях (не оставивших письменных свидетельств). Выбор проповеди как «жанра» непосредственно общения с «безмолвствующим большинством», Гуревич обосновал не только при анализе пасторской деятельности Бертольда Регенсбургского, но и в специальном изучении этой проблемы²². Именно это явилось научным основанием мысленного эксперимента историка. Для него «проповедь – в высшей степени важный источник для изучения народной ментальности в Средние века», так как проповедник обращается прежде всего к рядовым прихожанам и «действует в гуще народа», близко знает его жизнь, знает его представителей. Разумеется, Гуревич осознает, что этот «социальный анализ» представляет только один из возможных «срезов» религиозных и морально-общественных представлений, погруженный с помощью МЭ в реалии раннего средневековья.

Эти же тексты Бертольда, где «личность... занимает подобающее ей место главы всего смыслового ряда», историк использует как основания МЭ для признания того, существовало ли само понятие *личности* и как оно трактовалось в раннем средневековье рядовыми прихожанами. Тем самым Гуревич убедительно обосновывает свою позицию в дискуссии в отечественной культурно-исторической эпистемологии и гуманитарной науке, в частности, с Л.М. Баткиным о категории личности и правомерности ее применения для раннего Средневековья²³.

Case study 2. Другой вид МЭ был осуществлен Гуревичем, когда он разрабатывал и применял его при исследовании проблемы «индивид, личность и общество», опираясь на скандинавские тексты раннего Средневековья. Он полагал, что эти исторические источники могут выглядеть «иначе, будучи подвергнуты следующему *мысленному эксперименту* (курсив мой – Л.М.). Существует известное основание для того, чтобы сопоставить франкское общество VI–VII вв. со скандинавским обществом, как оно рисуется в сагах и записях древнего права, ибо при различии во времени их фиксации налицо, несомненно, типологическое сходство. <...> Если подобное сопоставление допустимо, то оно дало бы возможность историку несколько глубже понять, какого типа индивиды... были представлены в существующих законах»²⁴.

Один из важных моментов этого МЭ состоит в том, что, прослеживая историю конкретных эддических песен и смены типов эпико-мифо-

²² Гуревич 1989. Гл. 8.

²³ См. также: дискуссию «Индивидуальность и личность в истории» // Одиссей. Человек в истории. 1990.

²⁴ Гуревич 1996. С. 95.

логической поэзии, (*это факты-тексты в руках у исследователя*), историк не теряет из виду самого человека, высказывая предположение, что «в поздних эддических песнях этот персонифицированный мир уже распадается на субъекты и объекты», появляется рациональность нового типа, «суть дела... не в смене жанров, но в смене *типов сознания*»²⁵. Опираясь на результаты изучения косвенных документов Раннего Средневековья, в частности, разных саг и песен «Эдды», обращаясь к их героям, используя различные формы и приемы мысленного эксперимента, Гуревич пишет не просто об индивидах, он доказывает: «перед нами личность, и в сагах к ней проявляется живой и неизменный интерес. Но личность эта исторически конкретна и весьма непохожа на новоевропейскую личность, которую мы вольно или невольно принимаем за эталон. Скандинав не оторван от своего органического коллектива и может быть понят только в качестве члена этого коллектива. Сознание его не индивидуалистично, он мыслит категориями целого – своей группы, он смотрит на себя самого как бы извне, глазами общества»²⁶. Трактовка личности и индивидуальности в средневековой Европе затрудняла понимание ее особенностей потому, что «уникальность личности, ее несходство с другими воспринимались как нечто греховное и ненормальное... И в результате его подлинное Я ускользает от нашего взора»²⁷.

Обращение к истории Скандинавии и использование, помимо прочего, метода МЭ позволяют А.Я. Гуревичу обосновать еще одно утверждение. Известно, что Я. Бурхардт, К. Лампрехт и другие историки, полагали, что человеческая индивидуальность впервые возникает в эпоху Ренессанса. Но эти известные ученые были ограничены латинскими источниками, не имели в своем распоряжении исторических документов о раннем Средневековье североевропейской культуры, ее песнях, сагах и других свидетельствах. Обращение к новому региону, богатому средневековыми источниками, позволило получить, в т.ч. и путем обоснованного МЭ, новые результаты.

Таким образом, современная эпистемология в понимании сложного и неоднозначно оцениваемого метода *мысленного эксперимента* в научных исследованиях представителей гуманитарных наук, в истории, в частности, получает подтверждение его правомерности, необходимости и плодотворности не только в естественных науках, но и в социально-гуманитарном знании, в особенности в историческом, где он необходим в еще большей мере в силу специфики – исчезновения в пространстве и во времени источников и свидетельств, а также в связи с особенностями эпистемологии этого типа знания.

²⁵ Гуревич 2005. С. 76.

²⁶ Там же. С. 101.

²⁷ Там же. С. 195.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Арнаутова Ю.Е. О формировании нового «образа Средневековья // Новое прошлое / The New Past. № 1. 2016. С. 26-37.
- Ахутин А.В. Эксперимент и природа. СПб, Наука, 2012. 660 с.
- Вико Дж. Основания новой науки: об общей природе наций. М.- Киев. «REFL – book», «ИСА», 1994. 656 с.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., Искусство, 1984. 351 с.
- Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. 367 с.
- Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. М., «Наука», 1990.
- Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в Истории. М., «Coda», 1996.
- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. М., «Coda», 1996.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом западе. М., РОССПЭН. 2005. 422 с.
- Коллингвуд Р. Дж. Идея Истории. Автобиография. М., Наука, 1980. 486 с.
- Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., «Наука», 1991.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., Прогресс-Академия, 1992. 176 с.
- Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., БИНОМ. Лаборатория знаний. 2003. 456 с.
- Мошковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М., «Работник просвещения», 1922. 210 с.
- Николози Р. Мысленные эксперименты в литературе. Контрафактуальная аргументация в Русских ночах В. Одоевского / Wiener Slawistischer Almanach , Biblion Media GmbH. Leipzig. 76 (2015). 225 p.
- Одоевский В.Ф. Соч. в двух томах. Т.1. М.: Худож. лит., 1981. 355 с.
- Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP 6/ 2006/03. М. ГУ ВШЭ, 2006. 56 с.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2002. 528 с.
- Филатов В.П. Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С. 5–15.
- Филатов В.П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 17–27.
- Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Кн. 2 // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLV. № 3. С. 238–245.
- Чеканцева З.А. Современное историописание как компонент гуманитарного дискурса // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 360-371.
- Штофф В.А. Моделирование и философия. М.: Наука. 1966. 302 с.
- Эйнштейн А. Физика и реальность. Сб. ст. М.: Наука. 1965. 360 с.

REFERENCES

- Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforyi. M., «Kanon» ROOI «Reabilitatsiya», 2009. 400 s.
- Arnautova Yu.E. O formirovaniy novogo «obraza Srednevekovyia // Novoe proshloe / The New Past. 2016. N 1. S. 26-37.
- Ahutin A.V. Eksperiment i priroda. SPb, Nauka, 2012. 660 s.
- Viko Dzh. Osnovaniya novoy nauki: ob obschey prirode natsiy. M.- Kiev. «REFL – book», «ISA», 1994. 656 s.
- Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kulturyi. M., Iskustvo, 1984. 351 s.
- Gurevich A.Ya. Kultura i obschestvo srednevekovoy Evropyi glazami sovremennikov. M., 1989. 367 s.

- Gurevich A.Ya. Esche neskolko zamechaniy k diskussii o lichnosti i individualnosti v istorii kul'tury // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Nauka», 1990.
- Gurevich A.Ya. Istorik kontsa XX veka v poiskah metoda // Odissey. Chelovek v Istorii. M., «Coda», 1996.
- Gurevich A.Ya. «Territoriya istorika» // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Coda», 1996. 368 s.
- Gurevich A.Ya. Individ i sotsium na srednevekovom zapade. M., ROSSPEN. 2005. 422 s.
- Kollingvud R. Dzh. Ideya Istorii. Avtobiografiya. M., Nauka, 1980. 486 s.
- Le Goff Zh. S nebes na zemlyu (Peremeny v sisteme tsennostnykh orientatsiy na hristianskom Zapade (XII–XIII vv.) // Odissey. Chelovek v istorii. M., «Nauka», 1991.
- Le Goff Zh. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. M., Progress-Akademiya, 1992. 176 s.
- Mah E. Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya. M., BINOM. Laboratoriya znaniy. 2003. 456 s.
- Moshkovskiy A. Albert Eynshteyn. Besedy s Eynshteynom o teorii otositelnosti i obschey sisteme mira. M., «Rabotnik prosvescheniya», 1922. 210 s.
- Nikolozh R. Myislennyye eksperimenty v literature. Kontrafaktualnaya argumentatsiya v Russkikh nochah V. Odoevskogo / Wiener Slawistischer Almanach, Biblion Media GmbH. Leipzig 76 (2015). 225 p.
- Odoevskiy V.F. Soch. v dvuh tomah. T.I. M., Hudozh. lit., 1981. 355 s.
- Rutkevich A.M. Proshloe istorika. Preprint WP 6/ 2006/03. M. GU VShE, 2006. 56 s.
- Uayt H. Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg. Izd. Ural. un-ta. 2002. 528 s.
- Filatov V.P. Myislennyye eksperimenty v nauke i filosofii // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2010, T. 25. N 3. S. 5–15.
- Filatov V.P. Myislennyye eksperimenty i apriornoe poznanie // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2016. T. 49. N 3. S. 17–27.
- Hyuell U. Filosofiya induktivnykh nauk, opirayuschayasya na ih istoriyu. Kn. 2 // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2015. T. XLV. N 3. S. 238–245.
- Chekantseva Z.A. Sovremennoe istoriopisanie kak komponent gumanitarnogo diskursa // Dialog so vremenem. 2004. Vyp. 11. S. 360–371.
- Shtoff V.A. Modelirovanie i filosofiya. M., Nauka. 1966. 302 s.
- Eynshteyn A. Fizika i realnost. Sb. st. M., Nauka. 1965. 360 s.

Микешина Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор, Институт социально-гуманитарного образования Московского государственного педагогического университета; mickeshina.lyudmila@yandex.ru

The Thought Experiment, Its Role in Historical Studies

To investigate and develop the epistemology of social studies and the humanities, this paper examines some special features of historical studies methodologies, and, in particular, how thought experiments are possible in historical studies. To begin with, the methodology and significance of thought experiments are shown in connection to the history of physics and the humanities. The main attention is paid to thought experiments and their classical forms in historical studies: H. White's "Metahistory", J. Le Goff's thought experiment as an idea of value orientations generation and its justification, studies of "silent majority" and the conception of purgatory (J. Le Goff, A. Gurevich).

Keywords: epistemology, thought experiment, physics, epistemology of the humanities, historical studies, metahistory

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Pedagogical State University; mickeshina.lyudmila@yandex.ru